

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208

ПОЛИЛИНГВИЗМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Б.Р. Могилевич, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская 83, г. Саратов, Российская Федерация, 410012*

В статье представлена эволюция социологической рефлексии социальной природы языка. Прослежена трансформация трактовок феномена языка в контексте объективистских, семиотических, структуралистских и дискурсивных теорий. Показана корреляция дискурсивных практик и становления постиндустриального информационного общества. Особое внимание уделено социологической трактовке языка П. Бурдье. Введенные П. Бурдье понятия “габитус”, “лингвистический капитал”, “лингвистический/-ое рынок/поле” и “практический смысл” характеризуют функционирование языка как социального действия, обусловленного образовательными и социально-статусными характеристиками коммуникантов. В эпоху глобализации особую значимость приобретает феномен полилингвизма как характеристики поликультурного современного социума, актуализирующего социокультурную специфику членов глобального общества. Конструктивизм и примордиализм демонстрируют разные точки зрения на феномен полилингвизма и используются в контексте удобства и выгоды их приверженцев. Тем не менее, эти подходы сходны в признании значимости этого явления для улучшения качества жизни людей. Полилингвистический габитус современного индивида приобретает новые диспозиции, адекватные глобальному контексту. Полилингвистический капитал функционирует на полилингвистических рынках/полях, обеспечивая доступ к общемировым знаниям и возможность получения, восприятия и продуцирования информации. Полилингвистические дискурсивные практики наиболее полно соответствуют социальной реальности киберпространства как информационного полилингвистического рынка в глобальном масштабе. Неравномерная представленность информационного контента на разных языках нивелирует демократическую сущность киберпространства и затрудняет пользователям полноценный доступ к информации. Особенно это касается носителей миноритарных языков. Отсутствие или недостаток полилингвистического капитала приводит к полилингвистической несправедливости и информационному неравенству, лишая индивидов возможности социальных лифтов и провоцируя социальные конфликты. Решение проблемы видится в введении модели трехязычного образования и создании контента на большем количестве используемых языков.

* Могилевич Бронислава Рафаиловна, e-mail: mogilevich@info.sgu.ru

Ключевые слова: полилингвизм, дискурсивный поворот, лингвистический капитал, лингвистический рынок, габитус, лингвистическая несправедливость/неравенство, конструктивизм, примордиализм, киберпространство, социальный лифт.

POLYLINGUIISM AS A GLOBAL LINGUISTIC CAPITAL

Mogilevich Bronislava R., Doctor of Sociology, Assistant-Professor, Professor of the Chair of English for Humanities, Saratov National Research University Named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya st. 83, Saratov, Russian Federation, 410012, e-mail: mogilevich@info.sgu.ru

The article presents the evolution of language origin's sociological reflection. The transformation of language phenomena interpretation in the context of objective, semiotic, structural and discourse theories is displayed. The correlation between discourse practices and post-industrial information society development is shown. Special attention is paid to language sociological interpretation of P. Bourdieu. The concepts introduced by him, namely: habitus, linguistic capital, linguistic field market, practical sense characterize language development, conditioned by educational, and social status communicators' characteristics. Under globalization polilinguism phenomenon as policultural contemporary society characteristics, actualizing socio-cultural specifics of global society members acquires special significance. Constructionism and primordialism demonstrate different points of view on polilinguism phenomenon and are used in the context of comfort and benefits of their followers. Nevertheless, these approaches coincide in recognition of this concept significance to better peoples' lives quality. Polilinguistic habitus of a contemporary individual acquires new dispositions, adequate to global context. Polilinguistic capital functions of polilinguistic market/fields providing the access to world-wide knowledge and possibilities of getting, perceiving, and producing information. Polilinguistic discourse practices most fully correspond to cyberspace social reality as information polilinguistic market at the global scale. Uneven presentation of information content in various languages eliminate democratic essence of cyberspace and becomes the obstacle for users for getting the full access to information. It is especially important for minor languages speakers. The absence or lack of polilinguistic capital leads to polilinguistic injustice and information inequality, depriving people of social lifts possibilities and provoking social conflicts. The problem resolution is seen, particularly, in introducing the thee language education model and creating information content in wider variety of languages.

Key words: polylinguism, discourse turn, linguistic capital, linguistic market, habitus, linguistic injustice/inequality, constructionism, primordialism, cyberspace, social lift.

Язык как социальный конструкт существует в виде системы, и каждый индивид овладевает этой системой в процессах социализации, инкультурации и аккультурации. Языковая система не только обеспечивает социокультурную и социогуманитарную интеракцию между членами социума, но и отражает их ментальные и ценностно-поведенческие характеристики. Следовательно, будучи механизмом передачи социокультурных смыслов, язык вносит определяющий

вклад в конструирование социальной реальности. Язык представляет собой составную часть культуры, обуславливая восприятие и конструирование социальной реальности ее носителями. Он возникает и развивается как социальный феномен, основной функцией которого является обеспечение социальной коммуникации в диахроническом и синхроническом аспектах. Социологический аспект функционирования языка предполагает наличие двух уровней:

- внешнего как использования языка в окружении других языков;
- внутреннего в виде социального и демографического расслоения в пределах одного языка.

Как социальный факт, обусловленный потребностями членов социума в коммуникации, любой язык коррелирует с образованием социальных институтов. Более того, усложнение социальной реальности и, соответственно, социальных связей, является причиной эволюции языков. В свою очередь, любой язык представляет собой актуализацию разнообразных дискурсов как способов восприятия, интерпретации и конструирования социальной реальности. Многочисленные и разнообразные дискурсы возникают, развиваются, конфликтуют, исчезают и меняются. Неизменным остается один компонент — язык как необходимый и единственный механизм их конструирования. Четкая и обоснованная трактовка эволюции понимания социальной природы языковых практик возникла как критика объективистских, структуралистских и семиотических концепций.

Согласно объективистскому подходу О. Конта, язык представляет собой коллективную собственность, своего рода клад (сокровище), принадлежащий как всему человечеству, так и каждому индивиду в частности. Язык, следовательно, как коллективное достояние неисчерпаем и не может исчезнуть, так как постоянно используется носителями языка¹. Этот “лингвистический коммунизм” не принимает во внимание ни экономических, ни политических, ни социально-исторических контекстов использования языка его носителями.

Ф. де Соссюр, вслед за О. Контом, в своих семиотических теориях трактует феномен языка в рамках дихотомии “язык — речь”, в которой язык представлен как семиотическая система, а речь выполняет функцию конкретной актуализации языковых знаков в каждой конкретной ситуации. Соссюровская семиотическая дихотомия делает акцент на эмпирических нюансах в виде наличия акцентов, диалектов, субъективных контактов без учета социальных практик индивидов².

---

¹ Comte A. Systeme de politique positive. T. 2. Statique sociale. P., 1929. P. 254.

² Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52.

Структуралистские концепции Н. Хомского по аналогии с семиотической теорией рассматривают язык как самостоятельное, однородное явление, но в рамках другой дихотомии — “знание языка — фактическое использование языка”, в которой знание языка — это языковая компетенция идеального носителя языка в однородном языковом сообществе, а фактическое использование языка предполагает наличие конкретной коммуникативной ситуации. Тогда в рамках структурализма предполагается наличие идеального носителя языка, находящегося в исключительно гомогенном языковом коллективе. Этот идеальный индивид следует всем грамматическим нормам, никогда не ошибается в их использовании, ничего и никогда не забывает. Исключение социальности при рассмотрении языковых практик означало исключение человека и его жизненного мира из контекста повседневности. Можно сказать, что “лингвистика стала жертвой крайностей... Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса, из него не только изгнаны история и социальность, но и человеческое превращается в нем в предельную абстракцию, а слова не говорят ни о чем”³. Таким образом, объективистские, семиотические и структуралистские трактовки языковых практик совпадают в той части, что система языка как всеобщее достояние существует в виде языковогоклада, принадлежащего всем и каждому в языковом коллективе⁴.

Вторая половина XX в. стала свидетелем становления феномена дискурсивного (лингвистического) поворота как принципиально нового явления, характерного для эпохи постиндустриального информационного общества. Это означало, что основной методологией исследования всех социогуманитарных наук стала интерпретация потоков информации, создаваемой и воспринимаемой индивидами в процессе социальной коммуникации. Другими словами, объектом исследования стали тексты (высказывания) как виды дискурсов, отражающих социокультурные контексты коммуникантов. В основе лингвистического поворота была смена объективистской, Ньютоновской парадигмы на гуманитарную, субъективистскую парадигму Л. Выгодского. Информационное общество поставило во главу угла человека во всех проявлениях его жизнедеятельности. Главным стала замена концептов времени и пространства на понятия “что сказано”, “кто сказал”, “о чем”, “когда”, “где” и “для чего”. Смена концептов стала следствием изменения характера взаимодействия индивидов — каузативный детерминизм механистической

³ Хомский Н. О природе и языке. М., 2005.

⁴ Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. С. 10–11.

онтологии сменился дискурсивной онтологией, характеризующейся понятиями “сообщества индивидов”, “речевые акты”, “правила и формы диалога”. Таким образом, дискурсивные практики отражают непосредственные аспекты человеческой жизнедеятельности в виде речи и связанных с ней процессов и понятий. Различные трактовки феномена дискурса, различаясь по отдельным деталям, сходны в главном, что дискурс — это детерминирующая методология всех социогуманитарных исследований человека и его высказываний.

Так, в рамках коммуникативной теории Ю. Хабермаса, дискурс — это коммуникативная деятельность индивидов (поступки, речь, переживания), имеющая целью достижение согласия⁵.

Согласно дискурсивной методологии Т. ван Дейка, дискурсивные практики коммуникантов актуализируются как пространственно-временной контекст их жизнедеятельности, а также отражают специфику каждого индивида⁶. Согласно постструктуралистской концепции М. Фуко, дискурс презентует культурные смыслы, сближая индивидов с окружающей их социальной реальностью, которую они же и конструируют⁷. Постмодернистский ракурс дискурсивной рефлексии включает понятие “мифа” как совокупности идеологических дискурсов в контексте дихотомии “язык — власть”⁸.

В этой связи, особую значимость приобретает социологический подход великого французского социолога П. Бурдьё, основоположника трактовки языка как социального конструкта, как феномена, определяющего и характеризующего индивида, познающего и конструирующего социальную реальность. Интегрируя различные концепции дискурса, П. Бурдьё рассматривает это явление в контексте феномена габитуса как совокупности социальных и генетических диспозиций, определяющих каждый конкретный дискурс, что часто служит причиной конфликтов идеологий и точек зрения⁹.

Считая язык одним из видов социальной практики, П. Бурдьё предложил социологический подход к проблеме языка в рамках следующих понятий: “культурный капитал”, “габитус”, “символическая власть”, “лингвистический капитал”, “лингвистический рынок”¹⁰.

---

⁵ *Habermas J.* On the pragmatics of social interaction: preliminary studies in the theory of communicative action. Cambridge, 2001.

⁶ *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 8.

⁷ *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

⁸ *Барт Р.* Миф сегодня / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 85.

⁹ *Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge; Massachusetts; Harvard, 1991.

¹⁰ *Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge, 1994. P. 5.

Феномен культурного капитала включает три подтипа — инкорпорированный, объективированный и институционализированный. В свою очередь, лингвистический капитал является частью инкорпорированного культурного капитала, унаследованного и приобретенного как сознательно, так и через социокультурное воздействие¹¹. Что касается объективированного типа культурного капитала, то он выступает как материальное воплощение культурного капитала, в том числе и лингвистического, в виде артефактов и технических объектов. Институционализация культурного капитала осуществляется посредством разного рода дипломов, сертификатов, аттестатов и удостоверений. Культурный капитал, включая лингвистический подтип, передается от отцов к детям и состоит из знаний, навыков, видов образования, дающих их обладателям преимущества в получении разного рода благ¹².

Социологический подход П. Бурдьё к феномену языка основан на твердом убеждении и доказательном утверждении, что любое высказывание (текст), генерированный индивидом, детерминирован социальными условиями и социальными структурами жизнедеятельности носителей языка. Другими словами, все присущие индивидам высказывания (тексты) представляют собой социально обусловленные действия, отражающие этнометодологические и феноменологические характеристики социально-исторического контекста их жизнедеятельности.

В противовес иллюзии “лингвистического коммунизма”, “внутреннему кладу”, “всеобщему достоянию” и другим метафорам, используемым представителями объективистских, семиотических и структуралистских методологий, П. Бурдьё справедливо отмечает, что все они имманентно постулируют наличие феномена универсального языка, не объясняя причин принятия этих языковых практик как универсальных и легитимных. В этом контексте универсальный язык представляет существующий внутри себя и для себя феномен вне социоисторического контекста жизнедеятельности. В этой связи социологические лингвистические концепции акцентируют доминирующую роль социальных практик и вариативностей их развития. В противовес выделению универсального языка и его идеальных (существующих вне социума) носителей язык рассматривается в неразрывной связи со всем спектром пространственно-темпоральных контекстов жизнедеятельности. Другими словами, любая языковая

---

¹¹ Bourdieu P. The logic of practice. Cambridge, 1990. P. 27.

¹² Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (дата обращения: 30.04.2018).

интеракция происходит в рамках социальных структур и процессов существования носителей языка. Тогда язык — это не просто система знаков или компетенций для выражения мыслей и намерений индивидов, а социальный конструкт, существующий как продукт социального взаимодействия индивидов в каждой конкретной социокультурной ситуации¹³.

Социологическая трактовка языка выделяет дихотомию “объективизм — субъективизм”, которые трактуются специфически. Субъективизм представлен в дихотомии “Я” и “Другие”, когда индивид воспринимает и осознает социальную реальность как опыт “Других”, что позволяет установить определенные связи с этнометодологической феноменологией А. Шюца¹⁴. Объективизм в этом случае предполагает определенную отстраненность “Я” от конкретного восприятия и оценки повседневной социальной реальности в целях более точной абстрактной рефлексии. Для преодоления разрыва между объективизмом и субъективизмом П. Бурдьё предлагает понятие габитуса как совокупности определенных диспозиций, характеризующих социальные действия индивидов. Причем эти диспозиции постоянно и постепенно внедряются и внушаются в сознание каждого индивида в процессах воспитания, образования и повседневной деятельности. Габитус как комплекс диспозиций обуславливает индивидуальные особенности менталитета, телесности и “разворачивания в жизненном мире” в широком смысле¹⁵. Именно габитус формирует практический смысл деятельности каждого индивида как состояние его индивидуального существования. Габитус включает в себя лингвистический габитус в виде совокупности диспозиций, сформированных в процессах обучения языку в любой среде — семье, детском саду, школе и т.д. Эти диспозиции характеризуют направленность лингвистических действий индивида, поэтому разные социальные группы обладают разными лингвистическими габитусами в виде разных диалектов, интонаций, лексико-грамматических конструкций и преимущественного использования функциональных стилей. Следовательно, все лингвистические габитусы социально структурированы, генерируются и функционируют в определенных социальных контекстах (лингвистических рынках). Способность каждого индивида генерировать различные смыслы, коррелирующие

---

¹³ Bourdieu P. In other words: essays towards reflexive sociology. Stanford, 1990. P. 135.

¹⁴ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

¹⁵ Thompson G.B. Editor's Introduction // Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, 1994. P. 5.

с социальными институтами (лингвистическими полями), и есть практический смысл языковых социальных практик. Естественно, разные социальные группы обладают разными возможностями адаптации к лингвистическим рынкам как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. В этом случае совершенно правомерно говорить о существовании лингвистического капитала каждого индивида, в частности о его наличии или недостатке.

Человеческий габитус как комбинация различных диспозиций (характеристик) формирует свой лингвистический контекст вертикально и горизонтально в процессах социализации и инкультурации при воспитании и обучении в рамках семьи, школы, мест проживания, учебы и работы. Следовательно, лингвистические рынки — это конкретные экстралингвистические коммуникативные ситуации, а ценность лингвистического капитала обусловлена их спецификой и значимостью¹⁶. Способность носителей языка (участников лингвистического взаимодействия) производить лингвистические продукты (участвовать в социальных практиках) напрямую зависит от качества их лингвистического капитала. Дело в том, что разные социальные слои обладают разными способностями и возможностями адаптации к лингвистическим рынкам. Более того, распределение лингвистического капитала всегда обусловлено воздействием других его форм — политического, социального, символического, которые по-разному распределяются на каждом конкретном лингвистическом рынке, постоянно меняясь в соотношении. Вследствие этого, индивиды, обладающие лингвистическим габитусом высших социальных групп, имеют больше возможностей добиться социального успеха и имеют более легкий доступ к социальным лифтам. Именно здесь наиболее ярко проявляется воздействие символической власти, инкорпорированной в систему образования и связанной с символическим и политическим видами капитала. В этих случаях можно утверждать, что язык выступает индикатором социальной принадлежности, влияя на социальную мобильность, уровень заработной платы, участие в выборах и т.д.¹⁷ Лингвистические различия между носителями языка характеризуют качество их лингвистического капитала относительно языковых норм. Так, следование правилам речевого этикета или нормам письменной речи характеризует высокий уровень лингвистического капитала. Например, в пьесе Б. Шоу “Пигмалион” низкий уровень лингвистического капитала героини не дает ей доступ к социальным лифтам (получение работы в цветоч-

¹⁶ Bourdieu P. The logic of practice. P. 84.

¹⁷ Телегин Д.В. Язык как социальная практика: о “лингвистическом капитале” П. Бурдье // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 9–17.

ном магазине и уход с прежнего места жительства, где проживают низшие социальные слои Лондона — “кокни”).

Следовательно, лексико-грамматические, фонетические и стилистические вариативности представляют собой маркеры социальных статусов носителей языка и, следовательно, качества их лингвистических капиталов. И здесь возникает естественная связь между понятиями “культура речи” и “лингвистический габитус”. Индивиды, обладающие лингвистическим габитусом высших социальных слоев, легче и быстрее реагируют на нормы официальных лингвистических рынков в отличие от представителей более низших слоев социума, добиваясь карьерного роста и своих практических целей, что позволяет говорить о наличии у них большего объема практического смысла. Лингвистический капитал распределяется на лингвистических рынках/полях, представляющих собой иерархические образования со своей спецификой и внутренней логикой. Существуют как глобальные поля, включающие в себя всю социальную реальность (экономическая и политическая власть), так и частные поля (религия, образование, наука, искусство, спорт и т.д.)¹⁸. Разница лингвистических капиталов проявляется в феномене символической власти, которая актуализируется в лингвистическом капитале через систему образования, лингвистического в частности, а также в сфере языковой политики. Другими словами, язык формирует социальные различия, осуществляя, таким образом, “символическое насилие”.

Глобализация отражает становление информационного общества, основной характеристикой которого является доминирующая роль информации во всех процессах человеческой жизнедеятельности. М. Кастельс выделил две основные причины становления информационного общества: глобализацию и компьютеризацию. Информационный обмен всегда играл большую роль в развитии человеческой цивилизации. Как механизм трансляции знаний информация обрела значимость уже во времена Средневековья, но социальная реальность информационного общества характеризуется тем, что генерирование, обработка и трансляция информации стали основными детерминантами наличия экономического, политического и символического видов капитала¹⁹.

В эпоху глобализации и становления феномена глобальной культуры понятия лингвистического капитала, лингвистического

---

¹⁸ Гронас М. “Чистый взгляд” и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 9.

¹⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

габитуса и лингвистического рынка приобретают особую значимость и новые характеристики. Само явление глобализации настолько сложно и полиаспектно, что не существует его единого определения. По мнению У. Бека, “глобализация обозначает познаваемое на опыте уничтожение границ повседневной деятельности в различных формах хозяйствования, информации, экологии, техники, транскультурных контактов и гражданского общества”²⁰. К. Кшиштофек считает, что “глобализация является, в сущности, ничем иным, как построением связующих звеньев между культурами для постижения кодов без их разрушения”²¹. Глобальный контекст современности имманентно содержит повсеместное распространение универсальных ценностей, что проявляется в становлении феномена глобальной культуры как сочетания следующих компонентов: Давосской бизнес-культуры, интеллектуальной (клубной) культуры в виде негосударственных фондов, организаций и движений и массовой культуры²². Глобализация как новый вид лингвистических полей в широком смысле этого понятия имплементирует и новый вид лингвистического капитала, полилингвизм, действующего на глобальном полилингвистическом рынке. В этой связи особую важность приобретает актуализация всего многообразия ментальной и социокультурной картины мира, что дает возможность обеспечения полноценной глобальной социальной коммуникации.

Постиндустриальное общество актуализирует современную социальную реальность посредством полилингвизма, объединяя человечество в глобальное сообщество. Количественное увеличение лингвистических рынков в глобальном контексте естественно коррелирует с количественным и качественным приращением лингвистического капитала на межличностном, межгрупповом и межгосударственном уровнях.

Глобальные характеристики современной социальной реальности проявляются во всех сферах человеческой жизнедеятельности, повсеместно распространяя универсальные ценности, при этом неизбежно происходит размывание устоявшихся этнокультурных идентичностей, составной частью которых является язык. Такие феномены, как глобализация и прогресс коммуникационных технологий делают полилингвизм неотъемлемым атрибутом современности.

---

²⁰ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 42–43.

²¹ Кшиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вести мирового общественного форума “Диалог цивилизаций”. 2005. № 1. С. 81.

²² Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М., 2004. С. 8–24.

Современная социальная реальность в виде совокупности множества дискурсов создается посредством множества языков, т.е. полилингвизма.

Существует два основных подхода к определению понятия “полилингвизм”:

- полноценное владение языком или языками на уровне близком к уровню владения родным языком;
- знание лишь “базового минимума”, достаточного лишь для ограниченного числа коммуникационных ситуаций.

Полилингвизм является прямым следствием культурного, политического и экономического разнообразия социальной реальности. Полилингвизм детерминируется исторически сложившейся интеракцией разных цивилизаций и народов, и в этих условиях появляется рационально обоснованная причина использовать разные языки для исполнения разных социальных функций и ролей. Граждане многих независимых государств сталкиваются с необходимостью осваивать сразу несколько языков на достаточно хорошем уровне.

Современный мир наций представляет собой мир многочисленных языков, обладающих формальным статусом, так как дисциплинарное сообщество предполагает общие языковые правила. Полилингвизм — естественное явление в многонациональном мире, что обуславливает непонимание друг другом носителей разных языков. По мнению многих лингвистов нет критериев определения понятности, а именно: критериев объема понятности, границ начала и окончания понятности. Например, шведский, датский, норвежский языки, будучи разными языками, понятны их носителям. Разговорный язык, которым пользуются жители Осло, ближе к стандартному датскому, по сравнению с разговорными диалектами норвежских северян. Установление языковых границ в пределах одного государства приобретает политическое значение, так как все остальные приобретают статус диалектов как языков, носители которых не являются победителями при создании государства. Например, правительство Турции отрицает существование курдского языка, хотя курды живут в горных районах Турции²³. Также можно привести пример китайского языка, который разделен на множество диалектов, некоторые из которых могут так сильно различаться, что многие лингвисты рассматривают их как отдельные языки, но в то же время языковая политика Китая не признает их таковыми, имея целью унификацию языка посредством распространения пекинского

---

²³ *Entessar N. The Kurdish mosaic of discord // Third Word Quarterly. 1989. Vol. 11. N 4. P. 83–100.*

диалекта и зачастую рассматривая остальные диалекты как девиацию от литературной нормы. Эти примеры показывают, что современный мир наций и полилингвизм характеризуются многочисленными языковыми конфликтами. В их основе лежат социокультурные противоречия национальных идентичностей. В качестве примера можно привести заявление франкоязычных партий в Бельгии о необходимости разделения государства на конфедерацию независимых государств — голландскоязычную Фландрию и франкоязычную Валлонию.

Этот феномен современной жизни индивидов в мире глобальной культуры может быть представлен с точки зрения разных парадигм исследования:

– социальный полилингвизм имеет место в странах с несколькими государственными языками (Канада, Швейцария, Индия, Бельгия и другие) или в многонациональных государствах (Российская Федерация, страны Африки);

– индивидуальный полилингвизм в виде свободного использования индивидами двух и более языков.

По своей сути, полилингвизм (многоязычие, мультилингвизм) всегда присутствует в жизни людей, особенно в тех случаях, когда возникает необходимость установления и поддержания межкультурной коммуникации. В этом ракурсе полилингвизм может быть рассмотрен в контексте уровня владения индивидом разными языками — от начального (элементарного) до уровня компетентности, где пятый, последний уровень, означает владение языком на уровне его высокообразованных носителей. Рассмотрение феномена полилингвизма в аспекте бинарной оппозиции “свой” — “чужой” выделяет:

– аддиктивный полилингвизм как позитивное отношение коммуникантов к “своим” и “чужим” языкам и культурам на уровне интеграции;

– субтрактивный полилингвизм на уровне ассимиляции, когда “свой” язык замещается “чужим” или “чужими”²⁴.

Глобальный контекст развития современного социума, характеризующийся, прежде всего, приоритетом информационных технологий в процессе получения информации, отводит важную роль в этом процессе феномену полилингвизма. Действительно, полилингвизм стал одним из важных компонентов социальной реальности, главным образом как механизм ее конструирования. Этот процесс невозможен без учета локальных и универсальных дискурсов, актуализированных посредством широкого спектра

---

²⁴ Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров. Томск, 2010. С. 87–92.

разных языков. Без преувеличения можно утверждать, что полилингвизм стал обязательным условием успешной социализации, инкультурации и аккультурации в современной социальной реальности. Сегодня интернационализация жизни требует от индивидов, групп, микро- и макросообществ включения полилингвизма в контекст повседневности. Ярким примером могут служить языковые контакты в области образования, экономики, политики, культуры. Глобализация и социальная открытость способствуют повышению престижа полилингвизма, обеспечивая социальные и экономические преимущества и социальную мобильность его носителям. В частности, полилингвизм дает возможность выполнять производственные обязанности недоступные монолингвам. Например, ВВП Швейцарии на 10% обязан полилингвизму, а билингвы зарабатывают на 3000 долларов в год больше²⁵.

Социологический контекст полилингвизма заключается в исследовании “языка в его социальном контексте”²⁶. Это означает, что социологический акцент сосредоточен на:

- способах использования языка в разных типах социума;
- факторах, влияющих на способы использования языка (социальный статус, гендерная принадлежность, возрастные и образовательные характеристики).

Вместе с тем, полилингвизм как способность индивида использовать два и более языка в зависимости от коммуникативной ситуации представляет собой один из важных факторов выживания индивидов в современном глобальном мире²⁷.

Следует отметить, что глобальная социальная реальность предполагает наличие “нового” полилингвизма, представленного в виде двух компонентов:

- механизма обеспечения доступа к достижениям мировой цивилизации;
- использование английского языка или другого языка, способного выдержать конкуренцию с первым.

Одновременно полилингвизм как общемировая тенденция является частью оппозиции “однойязычие — многоязычие”, причем повсеместно наблюдается тенденция к усилению многоязычия.

---

²⁵ *Agirgad D.* The long-term effects of bilingualism on children in immigration: student bilingualism and future earnings // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2014. Vol. 17. N 4. P. 449–464.

²⁶ *Labov W.* The study of language in its social context // *Stadium Generale*. 1970. N 23. P. 36.

²⁷ *Вайнрайх У.* Однойязычие многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Розенцвейг. М., 1972. С. 25–26.

Знаменитое высказывание Л. Витгенштейна “границы моего языка — есть границы моего мира” представляет собой основной принцип многоязычия²⁸.

В этой связи следует упомянуть динамику понимания концепта “образованный человек”. В древнем мире обычное умение читать казалось фантастическим достижением²⁹. Сейчас индикатором образованности по праву считается полилингвизм. Более того, полилингвизм является важным механизмом разрешения межкультурных конфликтов и создания условий для полноценной социальной коммуникации. Его гуманистическая природа актуализируется в успешном взаимодействии представителей разных культур при сохранении их локальной этнокультурной идентичности

Феномен полилингвизма (многоязычия), имея долгую историю своего существования, актуализирует социокультурную гетерогенность мира. В настоящее время существует более 6700 языков, хотя их большое количество исчезло, а многие приобрели статус “мертвых” языков (древнегреческий, древнеславянский, гэльский, латынь), так как не используются в процессах непосредственной социальной коммуникации. Являясь результатом социокультурного взаимодействия носителей разных языков как представителей разных культур, полилингвистический капитал стал компонентом лингвистических габитусов индивидов в широком спектре их взаимодействия: от установления межкультурных контактов до дистанцирования носителей разных языков. Известно, что в мире, особенно в глобальном контексте, почти нет развитых государств, в которых лингвистический капитал населения ограничен одним языком (исключениями являются Польша и Армения). Более того, глобальная социальная коммуникация как обмен смыслами разных социокультурных сообществ может конструировать глобальную социальную реальность, только используя полилингвистические социальные практики.

Глобальная культура, функционирующая посредством полилингвизма, объединяет государства в единое социокультурное сообщество, в котором глобальный символический капитал обеспечивает и укрепляет полилингвистический капитал индивидов в целях их успешной социализации и аккультурации на полилингвистических рынках. В результате в сферах экономики, политики, культуры, образования создаются новые полилингвистические продукты в виде

---

²⁸ Апель К.-О. Витгенштейн и проблемы герменевтического понимания // Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 85.

²⁹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2004.

образовательного и культурного обмена, интернационализации образования и т.д.

Тем не менее, в современной социальной реальности имеют место две противоположные тенденции относительно значимости полилингвистического капитала, а именно — конструктивистская и примордиалистская.

Согласно конструктивистскому подходу, культурная идентичность детерминирует этничность через доминирование социальных, политических и экономических факторов. Данный подход сформировался на базе теорий М. Вебера, Э. Дюркгейма и К. Маркса. Приверженцы этого подхода считают, что культурная самобытность не оказывает влияния на социальную идентичность, наоборот, эту функцию выполняют отличительные черты глобальной социальной реальности, а именно — массовость и стандартизация жизни. По их мнению, глобальный мир не может поддержать такое многообразие языков. Подобный взгляд на данную проблему известен еще со времен Римской империи.

Приверженцы примордиалистского течения утверждают, что местные социокультурные особенности по ходу процесса глобализации не только не потеряли актуальность, а наоборот, становятся еще более выраженными в ответ на унификацию³⁰. Примордиалисты, приводя различные исторические и культурные примеры, защищают текущее культурное и языковое многообразие и призывают к моральной ответственности в деле поддержания и возвеличивания социокультурных корней этносов и языков. Конструктивисты небезосновательно указывают на недостоверность и субъективизм примордиалистских идей, на нехватку доказательств. Самих же конструктивистов критикуют за постмодернистское отрицание социокультурных ценностей, свойственных всем людям.

Этот конфликт является следствием противоречия между глобализацией и стремлением сохранить культурную идентичность. Например, Евросоюз изначально стремился к равноправному представительству всех языков, используемых его субъектами. Но по мере роста Евросоюза от этого принципа начинают постепенно уходить.

Конструктивисты утверждают, что Евросоюз может совсем отказаться от принципа равноправия языков. Причины могут быть как чисто прагматическими, например, экономия на оплате работы переводчиков, так и обусловленными культурными конфликтами,

---

³⁰ *Фишман Д.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // *Логос*. 2003. № 4 (49). С. 117.

неизбежно возникающими, когда языки начинают конкурировать друг с другом.

Другими словами, главным различием между этими двумя подходами является противоречие между миром единого рынка мегакультур, мегаязыков и мегаценностей и миром этнического и социокультурного многообразия.

По мнению конструктивистов, полилингвизм имеет свои границы, что означает насильственное сокращение используемых языков, так как мировое сообщество не может позволить себе всестороннюю поддержку полилингвизма. Конструктивистский подход на самом деле представляет собой превалирование экономических и политических факторов с целью обеспечения массовости и стандартизации человеческой жизнедеятельности, что в конечном итоге ограничивает развитие и приращение их полилингвистических капиталов, стандартизируя и унифицируя их полилингвистические габитусы.

Примордиалисты, напротив, поддерживают и укрепляют полилингвистические социальные практики, считая их маркерами развития локальных идентичностей и социокультурного многообразия. Интересно отметить, что конструктивизм и примордиализм могут быть использованы одним и тем же государством в зависимости от его выгоды. Так, Франция придерживается концепций примордиализма относительно роли английского языка как языка международного общения, но одновременно выступает с конструктивистских позиций, отказывая окситанцам, бретонцам и эльзасцам в сохранении их локальных языков³¹. По своей сути, конфликт между примордиалистами и конструктивистами отражает трансформацию феномена символической власти, характеризующуюся снижением объективации социальных институтов. Современная глобальная социальная реальность, таким образом, обуславливает становление феномена полилингвистического капитала как продукта взаимодействия полилингвистических габитусов и полилингвистических рынков. Тогда социальная коммуникация может быть эффективной только при наличии полилингвистических капиталов как условия реализации прав и свобод каждого индивида. Именно полилингвистический капитал обеспечивает индивидам реализацию таких насущных потребностей, как получение, генерирование и распространение актуальной информации, доступ к общемировым знаниям, свободное изложение разных точек зрения. Таким образом, полилингвизм как социальный конструкт информационного гло-

---

³¹ Смокотин В.М. Указ. соч.. С. 87–92.

бального социума имманентно является механизмом преодоления неравноправия различных лингвистических капиталов, обеспечивая социокультурное многообразие лингвистических рынков и габитусов. Причем, это многообразие представлено как совокупность когнитивных, эмоциональных, поведенческих и ментальных ценностных моделей. Учет полилингвистических рынков выполняет функцию амортизатора социокультурных и социоисторических конфликтов. Действительно, глобализм обеспечивает полилингвистическому капиталу новые лингвистические рынки в виде доступа к всеобщему образованию, профилактики пандемий, создания новых лекарств, медицинского оборудования и диагностик в виде изложения необходимой информации на разных языках, обеспечения экологической безопасности посредством представления нужных и необходимых сведений о локальных условиях на разных языках, в виде реализации прав на свободу получения знаний на любом языке, имплементации социальной справедливости в форме получения работы в соответствии с социальным статусом³².

Универсальность, всеобъемлющий характер и глубокая интеграция современных коммуникационных технологий, а также их способность трансформировать реальные социальные системы создали новый вид социальной реальности — киберпространство. Приоритет информационных технологий в процессе информационного обмена отводит важную роль феномену полилингвизма как отражения локальных и универсальных дискурсов, представленных множеством языков. Самыми популярными языками интернета являются английский — 872,9 млн человек, китайский — 704,5 млн человек, испанский — 256,8 млн и т.д. Количество русскоязычных пользователей составляет 103,1 млн человек. Например, по данным представленности языков в киберпространстве на 2018 г., английский язык занимает 52,1% контента, русский — 6,5, японский — 5,6, немецкий — 5,5, испанский — 5,1%³³. Преобладание контента на английском языке объясняется его статусом как языка международного общения. Количество контента на русском языке объясняется, с одной стороны, высокой активностью пользователей, а с другой стороны, готовностью совершать переводы мультимедийного контента с других языков, в первую очередь с английского, включая переводы статей, текстов Википедии, сериалов, компьютерных игр и текстов песен. В виртуальных социальных пространствах СНГ русский язык сохраняет статус языка международного общения, даже в тех

---

³² Agirgad D. Op. cit.

³³ Языки в Интернете. URL: rj.wikipedia.org/wiki/Языки_в_Интернете (дата обращения: 29.01.2019).

странах, где не имеет статуса государственного — в странах Прибалтики, в Украине, Казахстане и т.д. Тем не менее, все исследования касаются самых распространенных и экономически рентабельных языков. В рекомендациях ЮНЕСКО о развитии и использовании полилингвизма в киберпространстве отмечается, что языки часто используются как инструмент доминирования и разделения народов. Будущее тех или иных языков зависит от способности сопротивляться натиску более агрессивных языков и добиваться с помощью новых видов технологий маргинализации громадной части населения планеты. Например, люди, не говорящие на языках, используемых в киберпространстве, лишены возможности полноценного участия в полноформатном информационном обмене и находятся в условиях информационной/лингвистической зависимости.

В этой связи следует учитывать феномен полилингвистической несправедливости и информационного неравенства. Этот феномен является следствием неравенства полилингвистических капиталов членов информационного глобального сообщества, что в свою очередь обусловлено их социальным неравенством. Социальное неравенство отражает особенности социальных структур, социальной стратификации, неравенство возможностей как в материальном, так и социальном и духовном аспектах. Причем социальное неравенство включает такие компоненты, как профессиональное, этническое, гендерное, территориальное неравенство и другие его виды³⁴. В условиях глобального информационного общества социальное неравенство (информационное в том числе) проявляется в обладании разными формами капитала и наличием/недостатком гражданских прав и свобод. Нивелирование информационного неравенства должно обеспечиваться образовательными системами разных стран во избежание возникновения конфликтогенных ситуаций. Большое значение имеет повсеместная реализация на практике модели трехязычного языкового образования: родной язык, английский язык и язык по выбору. Полилингвистическая справедливость актуализируется на коммуникативном уровне (представление, перевод и анализ текстов на разных языках с помощью информационных технологий), когнитивном уровне в виде представления полилингвистического контента в архивах и библиотеках в целях сохранения и приумножения коллективного богатства человечества³⁵. Таким образом, полилингвистический капитал, с

---

³⁴ *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

³⁵ *Фишман Д.* Указ. соч. С. 117.

одной стороны, предоставляет глобальному сообществу возможность сохранения локальной специфики лингвистических капиталов, рынков и индивидуальных габитусов, а с другой стороны, служит цели поддержания социальной справедливости/равенства для носителей разных языков. Можно смело утверждать, что социологический подход П. Бурдьё к трактовке лингвистических интеракций как социальных практик индивидов в процессе взаимодействия их лингвистических габитусов на лингвистических рынках обладает большим эвристическим потенциалом в контексте реализации их практических смыслов. В свою очередь, индивидуальные практические смыслы реализуют свои лингвистические капиталы в системе коррелирующих глобальных социальных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Апель К.-О. Витгенштейн и проблемы герменевтического понимания // Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001.

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М., 2004.

Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (дата обращения: 30.04.2018).

Вайнрайх У. Одноязычие многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Розенцвейг. М., 1972.

Гронас М. “Чистый взгляд” и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. № 45.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

Кишиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вести мирового общественного форума “Диалог цивилизаций”. 2005. № 1.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

Могилевич Б.Р. Многоязычие как компонент социальной справедливости в эпоху информационного общества // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”: Сб. мат-в. М., 2018.

Могилевич Б.Р., Калинин А.А. Многоязычие как социокультурный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 136–139.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров. Томск, 2010.

- Соссюр Ф., де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Телегин Д.В.* Язык как социальная практика: о “лингвистическом капитале” П. Бурдьё // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 9–17.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2004.
- Фишман Д.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2003. № 4 (49).
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
- Хомский Н.* О природе и языке. М., 2005.
- Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
- Языки в Интернете. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Языки_в_Интернете (дата обращения: 29.01.2019).

REFERENCES:

- Agirgad D.* The long-term effects of bilingualism on children in immigration: student bilingualism and future earnings // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2014. Vol. 17. N 4. P. 449–464.
- Apel' K.-O.* Vitgenshtejn i problemy germenevticheskogo ponimaniya [Wittgenstein and problems of hermeneutic understanding] // *Apel' K.-O.* Transformaciya filosofii. М., 2001 (in Russian).
- Bart R.* Mif segodnya [The Myth Today] // *Bart R.* Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. М., 1994 (in Russian).
- Bek U.* Chto takoe globalizaciya? [What is globalization?] М., 2001 (in Russian).
- Berger P.* Kul'turnaya dinamika globalizacii [Cultural Dynamics of Globalization] // *Mnogolikaya globalizaciya.* М., 2004. S. 8–24 (in Russian).
- Bourdieu P.* In other words: essays towards reflexive sociology. Stanford, 1990.
- Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge; Massachusetts; Harvard, 1991.
- Bourdieu P.* The logic of practice. Cambridge, 1990.
- Burd'e P.* O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka [On the production and reproduction of a legitimate language] // *Otechestvennye zapiski.* 2005. N 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (data obrashcheniya: 30.04.2018) (in Russian).
- Comte A.* Systeme de politique positive. T. 2. Statique sociale. P., 1929.
- Dejk T.A., van.* Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language.. Cognition. Communication]. М., 1989 (in Russian).
- Entessar N.* The Kurdish mosaic of discord // *Third Word Quarterly.* 1989. Vol. 11. N 4. P. 83–100.
- Fishman D.* Segodnyashnie spory mezhdu primordialistami i konstruktivistami: svyaz' mezhdu yazykom i etnichnost'yu s tochki zreniya uchyonyh i povsednevnoj zhizni [Today's debate between primordialists and constructivists: the relationship between language and ethnicity from the point of view of scientists and everyday life] // *Logos.* 2003. N 4 (49) (in Russian).
- Fuko M.* Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. М., 1996 (in Russian).

Gronas M. “CHistyj vzglyad” i vzglyad praktika: P’er Burd’e o kul’ture [“Pure look” and the look of practice: Pierre Bourdieu on culture] // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. N 45 (in Russian).

Habermas J. On the pragmatics of social interaction: preliminary studies in the theory of communicative action. Cambridge, 2001.

Homskij N. O prirode i yazyke [On nature and language]. M., 2005 (in Russian).

Kastel’s M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul’tura [The Information Age: Economics, Society, Culture]. M., 2000 (in Russian).

Kshishtofek K. Global’naya kul’tura, mul’tikul’turalizm i global’noe pravlenie [Global culture, multiculturalism and global government] // *Vesti mirovogo obshchestvennogo foruma “Dialog civilizacij”*. 2005. N 1 (in Russian).

Labov W. The study of language in its social context // *Stadium Generale*. 1970. N 23.

Makarov M.L. Interpretativnyj analiz diskursa v maloj gruppe [Interpretative analysis of discourse in a small group]. Tver’, 1998 (in Russian).

Mogilevich B.R. Mnogozychie kak komponent social’noj spravedlivosti v epohu informacionnogo obshchestva [Multilingualism as a component of social justice in the era of the information society] // *Social’naya nespravedlivost’ v sociologicheskom izmerenii: vyzovy sovremennogo mira. XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Sorokinskie chteniya-2018”*: Sb. mat. M., 2018 (in Russian).

Mogilevich B.R., Kalinkin A.A. Mnogoyazychie kak sociokul’turnyj fenomen [Multilingualism as a sociocultural phenomenon] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2017. T. 17. Vyp. 2. S. 136–139 (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost’, instituty, regional’naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serya 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Shyuc A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. M., 2003 (in Russian).

Smokotin V.M. Mnogoyazychie i problemy preodoleniya mezh’yazykovyh i mezhkul’turnyh bar’erov [Multilingualism and problems of overcoming interlingual and intercultural barriers]. Tomsk, 2010. S. 87–92 (in Russian).

Sossyur F., de. Trudy po yazykoznaniiyu [Proceedings in linguistics]. M., 1977 (in Russian).

Telegin D.V. Yazyk kak social’naya praktika: o “lingvisticheskom kapitale” P. Burd’e [Language as a social practice: on the “linguistic capital” of P. Bourdieu] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. N 2. S. 9–17 (in Russian).

Thompson G.B. Editor’s introduction // Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, 1994.

Toffler E. Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka [Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and power are on the threshold of the 21st century]. M., 2004 (in Russian).

Vajnrajh U. Odnoyazychie mnogoyazychie [Monolingualism multilingualism] // *Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Yazykovye kontakty / Sost., red., vstup. st. i komment. V.Yu. Rozencvejg*. M., 1972 (in Russian).

Yazyki v Internete [Languages on the Internet]. URL: rj.wikipedia.org/wiki/Yazyki_v_Internete (data obrashcheniya: 29.01.2019) (in Russian).